

Старейшина Лань Фан закинул Хань Чаншэна в пещеру под Долиной Цветения Персиков, сказав ему самостоятельно искать выход, а затем просто ушел. Каждую ночь он сбрасывал вниз немного фруктов и питьевой воды. Хань Чаншэну оставалось лишь довольствоваться этими фруктами. Посаженный на диету, полностью лишенную мяса, он уже спустя несколько приемов пищи почувствовал, как его тело очищается от всех нечистот. Дайте ему впридачу чистое сердце с отсутствием каких-либо желаний, и из него выйдет отменный буддийский монах.

Смирившись с тем фактом, что старейшина Лань Фан ему ничем не поможет, а на бессмертных богов и вовсе совершенно нельзя положиться, Хань Чаншэн понял, что может рассчитывать лишь на себя.

Из-за того что лозы были такими скользкими и прочными, дело продвигалось отнюдь не быстро. Зачастую ему требовалось два-три раза взмахнуть мечом, чтобы срезать одну лозу. Поэтому на каждую из них ему приходилось потратить немало усилий, и ему частенько приходилось отдыхать примерно по тридцать минут, пока его руки изнывали от боли.

Вот так Хань Чаншэн и поселился в этой пещере. Хотя он понятия не имел о конкретном времени, по падающему в дыру свету он понял, что наступил новый день. До смерти таинственного старика оставалось каких-то пять дней.

Хань Чаншэн чувствовал тревогу, но в то же время он понимал, что беспокойство никак не поможет ему выбраться из этой ловушки. Чтобы как можно скорей сбежать из этого места, ему нужно было придумать более быстрый и менее энергозатратный способ избавляться от лоз. Он на какое-то время остановился, а затем принялся исследовать лозы, ища способ срезать их одним ударом. Спустя несколько часов практики ему удалось определить силу, угол удара и технику, позволяющие срезать по лозе за удар. Все вычурные приемы, освоенные им во время занятий боевыми искусствами оказались совершенно бесполезны, потому что здесь требовалось нечто совершенно простое и без прикрас. Все те причудливые, сбивающие с толку движения стали бы пустой тратой времени и сил, когда имеешь дело с этими лозами.

Вечером Хань Чаншэн подкрепился фруктами и передохнул. Результаты второго дня пребывания в пещере оказались более продуктивными по сравнению с первым. Теперь вокруг него было большое расчищенное пространство, однако на фоне разливавшегося вокруг океана из лоз оно выглядело, как капля в море.

Хань Чаншэн почувствовал, как на него наваливается скука и снова принялся кричать в потолок:

- Эй, старейшина Лань Фан. Я уже достиг большого прогресса. Смотрите, я придумал, как срезать лозу одним ударом. Разве не пора меня выпустить? У меня действительно очень срочное дело!

Старейшина Лань Фан только рассмеялся:

- Какой прилежный ученик. Это только начало. Если и правда спешишь, то поторопись, и

раньше обнаружишь выход оттуда.

Услышав, что старейшина Лань Фан наконец-то ответил ему, Хань Чаншэн тут же выпрямился, подскочив, словно карп:

- Вы меня слышите? Вы должны меня выпустить! Я непременно сделаю все это позже! Я... У меня есть один друг, который вот-вот умрет. Я должен увидеться с ним в последний раз, пока он не умер! Это чистая правда! Я вам не вру!

Ответа не последовало.

Хань Чаншэн так разозлился, что отбросил свой меч. "Вонючий старикашка! Где твое сострадание? Не слышал, что ли? Я же сказал, что кое-кто при смерти!"

Неважно, как долго он кричал и изрыгал проклятия, старейшина Лань Фан снова испарился.

Настроение Хань Чаншэна стало мрачнее тучи. Раз уж небо еще не совсем потемнело, он решил еще немного порубить эти лозы.

Боевые искусства секты Тяньнин включали в себя сотни наиболее знаменитых техник других сект, практиковавших боевые искусства. Это было не только владение мечом, в конечном итоге ее ученики могли владеть разнообразным оружием. К примеру, у самого высокопоставленного и наиболее могущественного Владыки Зала секты Тяньнин практически не осталось оружия, с которым он бы не умел обращаться. Что не дай ему в руки, он знал, как этим воспользоваться. Даже отрез ткани в его руках мог превратиться в орудие убийства. Лу Байби с Лу Цинцянем тоже могли использовать больше десятка видов оружия, однако Лу Байби все же предпочитал метеоритный молот, а излюбленным оружием Лу Цинцяня были скрытые метательные иглы. Что касается Хань Чаншэна, то он всегда предпочитал прямое сражение, поэтому считал, что ему нет нужды обучаться владению столькими видами оружия, и пользовался только наиболее распространенными саблями и мечами. Никто не заставлял его изучать больше, так как бывший глава секты как-то сказал, что если он овладеет одним оружием на уровне непревзойденного совершенства, то это будет куда полезней, чем все множество боевых искусств любой секты.

Когда он еще находился в секте Тяньнин, Ло Синь сказал, что его техника владения мечом слишком тщеславна и нестабильна. В конце концов, по большей части его боевые искусства использовались для того, чтобы обвести вокруг пальца парней, заставлявших его тренироваться, из-за чего его движения естественным образом стали высокомерными. Пусть он изо всех сил старался сдерживаться перед старейшиной Лань Фаном, стойка, в которую неосознанно вставал Хань Чаншэн, позволила старейшине увидеть насквозь его истинную импульсивную натуру, не говоря уже о его манере речи или обращения со своими вещами.

На самом деле Хань Чаншэн вполне мог понять, чего намеревался добиться этой тренировкой старейшина Лань Фан. Причина непревзойденной силы его боевых искусств заключалась в том, что он следовал истинной природе меча. Именно так все броские и напыщенные приемы

свелись к простоте и элементарным движениям. А тренировка с этими лозами как раз и укрепляла основные движения.

Но, даже понимая это, Хань Чаншэн не мог согласиться с подобным методом обучения.

Что толку их резать? Это были просто неподвижные штуки. Кто станет стоять на месте в настоящем бою, позволяя ему изучить и вычислить наиболее подходящий метод нашинковать его? Теперь он мог одним ударом срезать лозы, но поможет ли это ему совершить прорыв в собственных боевых искусствах? Он мог срезать лозы лишь по одной за раз, и, если хотел ускориться, ему оставалось только наносить удары быстрее... Пойдите-ка! По одной лозе за раз? Неужели нет никакой возможности срезать больше одним взмахом меча?

Едва подумав об этом, Хань Чаншэн попытался изменить свой удар мечом. Поначалу все было безрезультатно, но он не оставлял попытки. Даже если удавалось срезать лишь одну, он поворачивался, перерубая еще одну, а затем разрезая еще одну справа... Повернуться, срезать одну, следом еще одна опадает на землю...

Поначалу меч то отскакивал, то скользил по лозам, отчего он не мог срезать больше одной за раз, но с течением времени ему удалось объединить три и даже четыре удара. Продолжая двигаться, он дошел до дюжины ударов... Движения Хань Чаншэна ускорились. Раньше ему приходилось несколько раз замахиваться мечом, прежде чем удавалось срезать одну лозу. Теперь же они разрезались так же легко, как бумага. Поначалу у него получалось делать только рубящие движения, теперь же мог с тем же успехом рубить, колоть и размахивать мечом. Любое его движение было предельно быстрым, при этом потребляя все меньше и меньше энергии. Он уже два часа рубил лозы, но его дыхание даже не сбилось, оставшись таким же ровным, как и в начале.

Хань Чаншэн настолько погрузился в вырубку лоз, что полностью утратил счет времени. Только когда небо потемнело настолько, что не стало видно ни зги, он понял, что снова опустилась ночь. Это была уже четвертая ночь, которую он должен был провести в ловушке под Долиной Цветения Персиков. Еще два дня, и таинственный старик покинет мир живых.

Множество странных лоз, заполонивших эту пещеру, были разрезаны напополам, однако он до сих пор не нашел выхода.

Сделав глоток воды, он малость передохнул, после чего закричал:

- Старик, ты решил надо мной подшутить? Выход из этого места вообще существует?

Голос старейшины Лань Фана, словно эхо, донесся до него сверху:

- Мастер никогда не обманет тебя, - немного помолчав, он продолжил: - Хороший ученик, ты весьма талантлив и сообразителен. Чтобы добраться до того места, где ты сейчас находишься, твоему мастеру в свое время потребовалось пятнадцать дней. Ты же сделал это всего за пять.

У Хань Чаншэна ушло лишь четыре дня, чтобы вырезать половину лоз в этой пещере. С такой скоростью ему потребуется всего десять дней, чтобы полностью очистить пещеру. А старейшина Лань Фан провозился там целых двадцать дней, прежде чем обнаружил выход. Таким образом, Хань Чаншэн в свои девятнадцать лет превзошел Лань Фана, каким тот был пятьдесят лет назад.

Стоя в темноте, Хань Чаншэн огляделся по сторонам и с горечью усмехнулся. Осталось всего два дня, успеет ли он?

- Эй! - Хань Чаншэн задрал голову. - Старик, поговори со мной.

По ночам он ничего не видел, поэтому не мог продолжать рубить. Ему оставалось только в гордом одиночестве сидеть в этой дыре, тогда как старейшина Лань Фан совершенно непредсказуемо то появлялся, то исчезал. За четыре дня он смог услышать от этого старикана лишь дюжину слов и совсем истосковался по собеседнику. Ему было до смерти скучно.

- О чем ты хочешь поговорить? - похоже, этим вечером старейшина Лань Фан пребывал в приподнятом настроении. Настолько, что даже готов был перекинуться с ним парой слов.

- Сколько вам было лет, когда вы вступили в секту Юэхуа?

Лань Фан ответил:

- Когда я стал учеником секты Юэхуа, мне было двенадцать. Это случилось семьдесят шесть лет назад.

Хань Чаншэн показал темноте язык. Семьдесят шесть лет - это был приличный срок. Он снова спросил:

- Если вы столько лет пробыли в секте Юэхуа, то должны знать все о ее делах?

Лань Фан улыбнулся:

- Уж всяко знаю о них побольше, чем ты. О чем ты хочешь узнать?

Хань Чаншэн издал коварный смешок и проговорил:

- Наша секта Юэхуа - известная праведная секта. И, конечно же, ее ученики должны быть людьми праведными и достойными. Но были ли какие-нибудь исключения?

Лань Фан не понял:

- Исключения?

- К примеру, за все эти годы кого-нибудь изгоняли из секты? И по какой причине? - уточнил Хань Чаншэн.

Лань Фан с большим интересом спросил:

- Дорогой ученик, почему ты спрашиваешь об этом?

Хань Чаншэн:

- Ничего особенного, всего лишь полюбопытствовал.

На какое-то время воцарилось молчание. Хань Чаншэн испугался, что старейшина Лань Фан снова исчез, и уже было открыл рот, чтобы позвать его, когда услышал тихий голос старейшины:

- Правила нашей секты Юэхуа очень строги. Стоит сделать неверный шаг, и тебе грозит исключение. В наше время люди часто начинают изучать боевые искусства как бродячие практики. Для них вступление или уход из какой-либо секты не имеют большого значения. Однако если какого-то ребенка изгонят из знаменитой секты, независимо от того, как хороши его боевые искусства, ему будет сложно не сгорать от стыда, оказавшись перед лицом детей из других сект. Если они не смогут исправиться и доказать, что их характер не был испорчен, то вся их жизнь будет разрушена. Поэтому наша секта никогда не станет так просто изгонять своих учеников.

Это сильно удивило Хань Чаншэна:

- Выходит, правила, написанные в уставе, нужны только для устрашения?

Старейшина Лань Фан ответил:

- Эти негласные правила нужны для улучшения атмосферы внутри самой секты. Например, одно из правил гласит, что предающиеся азартным играм будут тут же исключены, однако секта Юэхуа несколько раз ловила своих учеников за азартными играми, вот только самым суровым наказанием стало лишение статуса и низведение до обычных внешних учеников. Эти так называемые "внешние ученики", хотя и относились к секте Юэхуа и их не изгнали, все же не имели обучающего их мастера и не допускались на общие тренировки. Им поручали лишь случайные работы. Спустя несколько месяцев такие ученики обычно покидают секту, становясь простыми обывателями. Таким образом, нельзя сказать, что их изгнала секта Юэхуа.

Хань Чаншэн схватился за голову.

- Значит, вообще никого не изгнали?

- Естественно, такие были, но их немного, - отозвался Лань Фан. - Если чьи-то нравственные устои совершенно ужасны, разве можем мы оставить подобного человека? Помнится, один ученик из моего поколения был изгнан, а впоследствии он повсеместно прославился своими мерзкими поступками. Он скончался, не дожив и до тридцати.

- Так за что его выгнали? - мигом спросил Хань Чаншэн.

Старейшина Лань Фан ответил:

- Он, ни слова не говоря, вытащил свой меч и убил младшего соученика. Мир боевых искусств не мог стерпеть настолько злобного человека.

Хань Чаншэн оторопел. Выходит, истинное прегрешение в глазах этих людей - убийство?

Сверху послышался вздох:

- Дитя, твое сердце чересчур неустойчиво. Только из-за того, что я забросил тебя туда, ты готов предать секту и сбежать из нее?

Хань Чаншэн поспешил его успокоить:

- О чем это вы? Разве я смогу сделать подобное?!

"Я всего лишь хочу изгнать отсюда вашего до жути заносчивого ученика. Это судьба собачьего лорда, прописанная ему Блюстителем Судьбы. Лаоцзы здесь совсем ни при чем!"

- Ты хорошо продвигаешься, - произнес Лань Фан, - и уже близок к обретению понимания. Когда ты выйдешь оттуда, меч, что ты держишь в своей руке, станет моим подарком тебе. Можешь оставить его себе, - с этими словами он снова исчез и больше не отвечал.

Глубокой ночью становилось совершенно темно. Свет звезд и луны не достигал дна пещеры, и вокруг царила кромешная тьма. Но Хань Чаншэну никак не спалось. Он столько тренировался и теперь срезать лозы стало очень легко. На данный момент все нечистоты покинули его тело, отчего он чувствовал себя посвежевшим и полным сил.

Не в силах уснуть, он уселся и вытянул руку, чтобы прикоснуться лозам перед собой, а затем схватился за подаренный ему Лань Фаном меч. Он должен был научиться срезать их во тьме. Чем скорее он с этим покончит, тем раньше сможет отсюда уйти.

Хань Чаншэн закрыл глаза и сделал глубокий вдох, обдумывая, что будет делать дальше.

Если считать эти лозы врагами, то сейчас они его окружали. И все, что от него требовалось, - всех их порубить.

Хань Чаншэн неторопливо нанес рубящий удар по одной из лоз. Когда он почувствовал, что меч отскочил назад, то понял, что ему не удалось срезать лозу. Удар был неудачным.

Снова глубоко вздохнув, он поудобнее перехватил меч и нанес следующий удар. На этот раз все получилось.

Как и днем, он стал понемногу продвигаться вперед. Шаг за шагом он экспериментировал, стараясь повысить эффективность своей работы. Он ничего не видел, как и не слышал. Когда его меч отодвигал лозы, они складывались одна с другой. Если отодвинуть одну из них, другие повторяли ее движение, таким образом, он уже понимал как нужно направить меч, чтобы разрезать их все. Постепенно он начал увеличивать частоту ударов: один, два, три...

Со временем его движения становились все более и более плавными. Если бы кто-то мог увидеть его во мраке ночи, то он обнаружил бы, что Хань Чаншэн стал похож на летящую птицу, прекрасно контролировавшую свое легкое, но сильное тело.

Внезапно ему показалось, что на него снизошло некое озарение. Если относиться к этим, пусть и неподвижным, лозам, как к настоящим врагам, справляться с ними станет гораздо проще. Ускорив свои движения, Хань Чаншэн полностью отказался от приукрашивания своих ударов. В его сознании осталось только некое пространство, где его со всех сторон окружили враги. Они пытаются напасть на него, но он взмахивает мечом и сам убивает врага...

Лозы вовсе не были неподвижными. Напротив, их форма была очень изменчивой. Чтобы срезать их, нужно было постоянно обращать внимание на угол, под которым опускался меч, и на силу удара. То же касалось и живых людей. Лозы росли так густо, словно окружали его. И Хань Чаншэну нужно было резать их еще быстрее, чтобы в кратчайшие сроки избавиться от этих врагов. Сейчас он тренировал внутреннюю силу. Неважно, насколько блестяще действовал противник, ему нужно было лишь обнаружить его слабое место и одним рывком прикончить врага.

Его меч вернулся к простоте, но именно эта простота была способна прорваться через все виды изысканнейших приемов. Зная свою цель и видя насквозь цель противника, он и его меч достигали пока единства. Меч двигался по велению сердца, а сердце двигалось по велению разума. Он стал живым воплощением меча. И все было у него под контролем.

Внезапно нога Хань Чаншэна наступила на пустоту, а затем едва не провалилась в дыру. Остановившись, Хань Чаншэн присел возле нее на корточки. Ощупав дыру, он понял, что она достаточно просторная, чтобы в нее смог пролезть человек.

Наконец-то он его отыскал! Выход из пещеры под Долиной Цветения Персиков!

<http://bllate.org/book/14818/1320161>